

пун. 3 ст. 295) было редактировано нѣсколько иначе. Теперь буквальный смысл этого правила таковъ, что министръ юстиціи сначала убѣждается въ необходимости уволить или перемѣстить судью, и потомъ уже передаетъ дѣло на разсмотрѣніе сената, оправдательный приговоръ котораго является, за тѣмъ, какъ бы прямо противоположнымъ мнѣнію министра. Гораздо правильнѣе было бы поставить министра въ положеніе обвинительной камеры, предающей суду не только тѣхъ, въ виновности которыхъ она убѣждена, но и тѣхъ, противъ которыхъ имѣется достаточно сильное и основательное подозрѣніе. Еслибы министръ юстиціи, передавая дѣло сенату, не высказывался окончательно и рѣшительно противъ обвиняемаго (удерживаемъ это слово за неимѣніемъ другого, болѣе подходящаго), то оставленіе послѣдняго въ должности вовсе не могло бы считаться признакомъ разногласія между дисциплинарнымъ присутствіемъ и министромъ.

Разрѣшенію въ высшемъ дисциплинарномъ присутствіи вопроса объ увольненіи или перемѣщеніи судьи должно предшествовать, на основаніи правилъ 20 мая, истребованіе объясненія отъ судьи. Имѣетъ ли присутствіе право спрашивать свидѣтелей (поручая допросъ ихъ, въ случаѣ надобности, мѣстному суду)—объ этомъ въ законѣ ничего не сказано; мы думаемъ, что это право разумѣется само собою, такъ какъ нельзя же требовать отъ суда произнесенія приговора ¹⁾ по неполнымъ или недостаточно провѣреннымъ даннымъ. Болѣе существеннымъ кажется намъ другой пробѣлъ закона—молчаніе его о томъ, обязательнъ ли для присутствія вызовъ обвиняемаго въ засѣданіе, когда онъ будетъ просить объ этомъ въ письменномъ своемъ объясненіи? Нужно надѣяться, что на практикѣ такая просьба всегда будетъ исполняема сенатомъ, не смотря на отсутствіе положительнаго предписанія закона. Далеко не одно и то же—представить объясненіе письменно или словесно; не говоря уже о неизбѣжной неполнотѣ письменнаго отвѣта, онъ никогда не можетъ имѣть той убѣдительной силы, того непосредственнаго дѣйствія, которыя сознаніе правоты сообщаетъ устной защитѣ. Не всякій, однако, располагаетъ спокойствіемъ духа, самообладаніемъ, необходимымъ для самозащиты. Тѣ же самыя основанія, въ силу которыхъ избраніе защитника признается неотъемлемымъ правомъ подсудимаго, должны были бы обезпечить возможность обращенія къ защитѣ и за судьей, привлеченнымъ къ отвѣтственности въ дисциплинарномъ порядкѣ, особенно когда ему

¹⁾ Хотя увольненіе и перемѣщеніе, вводимыя закономъ 20 мая, и не отнесены официально къ числу дисциплинарныхъ каръ, но de facto они, безъ сомнѣнія, имѣютъ именно это значеніе, и постановленіе дисциплинарнаго присутствія ничѣмъ, въ сущности, не отличается отъ судебного приговора.